

ки и оѣнить ея значеніе. Какъ истинно-русскій человекъ, онъ понималъ и любящимъ сердцемъ чувствовалъ всю великость значенія для Россіи этого истинно русскаго, подлинно великаго Царя. Особенно живо и поучительно высказалъ святитель свои мысли и чувства о семъ по поводу извѣстнаго чудеснаго событія 17 октября 1888 года. „Ваше письмо,— читаемъ въ его письмѣ къ одному лицу,— отъ 23 октября (1888 г.). Ужели вы не слышали, что случилось съ Государемъ, Государынею и дѣтьми ихъ?!—Слышать и не помянуть!!!—Цѣлую строку знаковъ удивленія.—Или вы такъ отѣклиси отъ мірскихъ дѣлъ, что даже и такія не тревожатъ васъ.—Мнѣ случилось въ первый разъ прочитать только телеграмму, что было что-то, но что Государь и все семейство Его—здравы и невредимы.. я и пропустилъ это безъ вниманія—особеннаго.. Но когда чрезъ недѣлю пришли новыя газеты (мы однажды посылаемъ въ городъ *) за 25 верстъ), какъ стало раскрываться дѣло, волосъ дыбомъ.. и отъ страшной бѣды и отъ дивнаго изъ дивныхъ спасенія.—Ну слава Богу.—Будемъ наслаждаться милостію Его!—и еще усерднѣй молиться о Государѣ.. Даруй Ему Господи многія лѣта царствовать, и царствованіемъ своимъ радовать во первыхъ Русь православную, а потомъ и другихъ“ (**). А теперь, безъ сомнѣнія, святитель Θεофанъ столь же усердно молится предъ престоломъ Всевышняго о долгоденствіи и благоденствіи Августѣйшаго Сына въ Бозѣ почившаго Государя, нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора Николая Александровича, который въ 1888 году также вмѣстѣ съ другими Членами Августѣйшаго Семейства былъ дивно спасенъ десницею Все-

*) Шацкъ Тамбовской губерніи.

**) Изъ неизданныхъ бумагъ семейства Бурачекъ. Въ числѣ тѣхъ же бумагъ есть письмо преосвященнаго Θεофана отъ 21 августа 1890 года, гдѣ онъ между прочимъ пишетъ: «Теперь, въ дни сіи, въ тамъ въ состояннхъ привлекательныхъ зрѣлищахъ, по поводу прибытія къ намъ Германскаго императора.—Что то Богъ дастъ отъ этихъ посѣщеній?!. Всяко ладъ этимъ можетъ быть только скрѣпляемъ болѣе, а не разлаживаемъ. Благослови Господи!»

вышняго на благо Россіи. И святая молитва святителя-подвижника будетъ услышана Царемъ царей по слову Писанія: *много можетъ молитва праведнаго постытсвуема* (Іак. 5, 16).

Ив. Корсунскій.

Извѣстія и замѣтки.

Памяти въ Бозѣ почившаго Государя.

(Письмо въ редакцію „Церковнаго Вѣстника“).

Въ пережитые воѣмъ православнымъ русскимъ народомъ скорбные дни, успешіе отъ насъ нашего возлюбленнѣйшаго Царя-Отца, намъ думается, должна быть драгоценна всякая, даже малѣйшая черта, такъ или иначе характеризующая обликъ почившаго Монарха. Считаемъ поэтому священнымъ долгомъ передать здѣсь случай, который, при всемъ его частномъ характерѣ, вѣрно характеризуетъ почившаго Монарха и какъ Государя и какъ христіанина, глубоко и разумно понимавшаго христіанскую религію. Дѣло было такъ.

Съ 1877 г. по 1888 г. я былъ штатнымъ законоучителемъ 3-й военной Александровской гимназіи (нынѣ Александровскій кадетскій корпусъ). Покойный Великій Государь Императоръ, какъ извѣстно, любилъ посѣщать и регулярно посѣщалъ кадетскіе корпуса одинъ и съ Государыней Императрицей. Состоя на службѣ въ Александровской гимназіи, и имѣлъ счастье видѣть Его, бесѣдовать съ Нимъ и съ однимъ, и съ Государынею Императрицею, въ первый разъ на урокѣ—съ Нимъ однимъ, а другой разъ—внѣ урока, и съ Нимъ и съ Его Августѣйшей Супругой. Болѣе замѣчательенъ первый случай.

Данъ былъ условный звонокъ: сообщили, что пожаловалъ Государь Императоръ, идетъ по классамъ.. Я былъ въ IV кл.; проходили Православный катихизисъ. Была ломка курса и въ январѣ приходилось начинать пространнѣй Православный катихизисъ, самое начало катихизиса. Войти Государь Императоръ. По принятому Имъ обычаю, подаетъ законоучителю руку, крѣпко опуская ее къ плечу, чтобы не было цѣлованія. Начинается раз-

говоръ.— Чѣмъ вы, батюшка, здѣсь занимаетесь?—Отвѣчаю; „по особому случаю, только что начинаемъ Православный катихизисъ“.— „Спросить бы кого“.— Чтобы не дѣлать выбора между учениками и тѣмъ не подать повода думать, что избралъ лучшаго изъ учениковъ, я оборачиваюсь, снимаю со стѣны списокъ учениковъ, послѣ послѣдней оцѣнки ихъ успѣховъ, и подаю Государю Императору, говоря: „не угодно ли Вашему Императорскому Величеству?“—Взявъ списокъ и говорить: „Лазаревъ“. Шла рѣчь о божественномъ Откровеніи. Лазаревъ отвѣчаетъ отлично. Государь слушаетъ, видимо, съ удовольствіемъ и, выслушавъ отвѣтъ, даетъ, по существу отвѣта, вопросъ: „а что если явится какой либо мудрецъ и сообщать намъ высшія понятія о Богѣ и укажетъ лучшія правила жизни, чѣмъ какія сообщены въ Евангеліи?“ (пишу буквально). „Этого не можетъ никакъ быть, Ваше Императорское Величество“.— „Почему же?“— „Потому, что никто еще знаетъ Сына, токмо Отецъ, ни Отца кто знаетъ токмо Сынъ и Ему все еще волишь Сынъ открыть“.— „Что ты этимъ хотѣлъ сказать?“— „То, что когда былъ на землѣ Единородный Сынъ Божій, никакой человѣкъ больше и лучше Сына Божія не можетъ сказать намъ о Богѣ“.— „Прекрасно, превосходно, благодарю. Надо спросить другого: Измайловъ!“ Лазаревъ сказалъ весь, заданный на тотъ день урокъ. А спросить было нужно; повторять то-же было неудобно и потому я спросилъ Измайлова прежній урокъ. Это былъ мальчикъ вѣрный, благовоспитанный, робкій, но прілежный и не глупый, владѣлъ голосомъ слабымъ. На данный ему вопросъ отвѣчалъ тихо (до того, что я вынужденъ былъ сказать ему: говорите громче), но осмысленно, толково и съ видимымъ пониманіемъ дѣла. Послушавъ недолго, Государь сказалъ: „и ты хорошо говоришь. Благодарю. Благодарю васъ, батюшка, и васъ, дѣти; благодарю и прошу, чтобы эти уроки, вижу, вами понимаемые, не остались только въ вашей памяти, а были проведены въ сердце и выражены въ жизни. Еще разъ благо-

дарю“. Съ этими словами Государь вышелъ изъ класса. Я затѣмъ сталъ сообщать: почему именно Государь Императоръ спросилъ Лазарева и Измайлова. Оказалось, что у Лазарева стоялъ баллъ 12 (высшій баллъ), а у Измайлова—10 (низшій въ классѣ, такъ какъ курсъ былъ отличный и ниже 10 ни у кого не было). Оказалось, что Государь Императоръ спросилъ лучшаго (чтобы меня не конфузить), а затѣмъ и худшаго (чтобы узнать ихъ общій уровень знаній).

Въ другой разъ Государь Императоръ подѣхалъ къ училищу съ Государынею Императрицею, когда я уроки свои уже кончилъ и выходилъ уже изъ училища. Понятно, что я остановился, воротился назадъ и отошелъ въ комнату, чрезъ которую Они должны были непременно проходить. Ожидать было недолго. Я оказался въ этой комнатѣ одинъ. Входятъ Ихъ Величества. Кланяюсь. „А у васъ, батюшка, урока нѣтъ?“ — „Кончились, Ваше Императорское Величество“.— „А гдѣ вы служите?“ — „У Спаса на Сѣнной“.— „У васъ, тамъ, модно?“ — „Да, Ваше Императорское Величество“.— „Я помню, какъ отлично отъѣхали ваши ученики въ прошлый разъ; еще разъ благодарю“. Прошли дальшъ, оставивъ, конечно, въ моемъ сердцѣ невыравнимую словами радость пріятельности ко мнѣ и вниманіемъ къ моимъ трудамъ.

Все это мною потомъ буквально записано, многими, очень многими, конечно, также буквально и рельефно и теперь передается, какъ въ высокой степени характеризующее Того Великаго Человѣка и Императора, о Которомъ такъ глубоко скорбитъ и слезно плачетъ вся Россія, даже и весь свѣтъ. Какъ много во всемъ этомъ и простоты, а вмѣстѣ и мудрости и глубокаго пониманія сущности и величія христіанства, и сердечной любви къ дѣтямъ, и умѣнья поощрить законоучителя и возвысить его въ глазахъ учениковъ. Вѣчная память любвеобильному Государю и Отцу, глубоко и разумно вѣрующему человѣку!

Бышій законоучитель 3-й Александровской гимназіи протоіерей І. Образцовъ.